

УДК 80: 82-1/-9

ВЛИЯНИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА НА СИСТЕМУ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЖАНРОВ

В.Ю.Лебедев

Тверской государственной университет, г. Тверь

В статье рассматривается процесс культурного средового влияния на жанрово-семиотическую структуру вторичных знаковых систем искусства, в первую очередь художественной литературы. Для анализа избран дискурс естественнонаучной антропологии и евгеники, сложившийся в XIX веке, под влиянием которого формируются новые жанры в литературе, литературной критике, вторичным образом – в кинематографе. Черты антропологического дискурса определяют топику художественных текстов.

Ключевые слова: *семиотика, текст, жанр, дискурс, евгеника, антропология.*

Новый этап развития наук о человеке в XIX веке создал новую антропологическую, а вслед за ней и социальную модель, включавшую и художественные дискурсы. Ломброзианская теория человека, общества и поведенческих моделей, связанная, прежде всего, с именами Ч. Ломброзо, О.Б. Мореля, Ф. Гальтона, популяризатора этих идей М. Нордау (мы не упоминаем сейчас о многих интересных, но менее известных широкой публике авторах, а также о более поздних разработках, в частности, патопсихологической лингвистики, что требует отдельного рассмотрения), была не просто теоретически интересной, но и сформировавшей целую парадигму дескрипции, объяснения и интерпретации биосоциальных явлений и при этом столь сильно отразившимся на социальном праксисе явлением, что не отобразиться и в искусстве просто не могло, причем это отображение носило сложный и многоплановый характер, хотя и выглядело как относительно случайный экстрасемиотический фактор (Ср.: [5]). Мы не будем останавливаться на фактах очевидных или банальных, вроде появления сторонников евгеники, явных или не вполне, в персонажной структуре текста самых разных авторов (чеховский биолог фон Корен, Преображенский у М. Булгакова). Романтики, конечно, дали огромный рабочий материал для исследования патологии, проявляющейся в творчестве, но сами не породили методологически четкой рефлексии частых случаев своей болезненности, а новый скачок в сфере наук о человеке мог, скорее, обобщать как классически романтический, так и неоромантический материал (что в немалой мере и было сделано, романтики стабильно занимают «почётное» место у разных авторов этого рода, начиная с классика, психолога-неоломброзианца Э. Кречмера и заканчивая разного рода обзорами и патографическими сводами сегодняшнего дня).

Безусловно, научная модель (строго говоря, имевшая исторически две ветки – ломброзианскую и французскую, морелевскую) стала крупным социальным явлением, что не могло не повлиять на литературу. Один из результатов влияния – изменения в области художественных, прежде всего, литературных, жанров. Основные механизмы мобильности и трансформации жанров

рассматриваются в двух основных парадигмах: интрасемиотической, делающей акцент на внутренних дискурсивных механизмах изменения жанровой системы [4], и экстрасемиотической, подчеркивающей средовые влияния, детерминирующие указанные изменения [2, 3]. У Ю.М. Лотмана представлено сбалансированное сочетание факторов обоого рода [6, с.269–275]. Интересующие нас изменения вначале демонстрировали ответ на средовые социальные влияния, а затем интериоризировались, стали частью жанровой системы и регулировались преимущественно внутренними закономерностями. Указанные изменения происходили несколькими основными путями. Во-первых, трансгрессия жанров из сферы медицинского дискурса. Прежде всего, это растущая популярность патографий, которые из чисто вспомогательного средства (нужного для популярной в XIX веке посмертной диагностики и составления семейного анамнеза) стали вариантом биографии, востребованным публикой вполне немедицинской. Более раскованный и даже цветистый стиль многих медиков XIX-начала XX вв. привлекал читателя, будучи функциональным маркером литературности, а описание болезни (чаще всего яркое, с подробным прописыванием деталей наиболее необычных случаев) было востребовано наряду с уже имевшимися в литературе сюжетными и описательными подробностями, сближая прагматику такой литературы, напр., с детективом.

Во-вторых, формирование новых художественных жанров с включением элементов «нового знания», в частности, евристический роман и его позднейшие модификации.

Затем, критические жанры, где основным инвективным мотивом был болезненный, «дегенеративный» характер творчества того или иного автора. Наиболее яркий пример – критические работы М. Нордау, из-за относительной простоты идей и очень яркого стиля становившиеся подчас массовым чтением. Авторитет Нордау при этом многими воспринимался как абсолютный, что, конечно, было преувеличением хотя бы потому, что теория вырождения в интерпретации Нордау оказалась упрощенной и излишне прямолинейной.

Наконец, появление жанровых контаминаций, обычно в порядке перевода текста на язык другой знаковой системы (типичный вариант – создание кинофильма на материале вербального текста). Часть элементов сюжета, персонажной системы, деталей могли «переводиться», транспонироваться с помощью когнитивной системы координат неоломброзианской теории вырождения, что-то могло привноситься полностью, как текстовая новация, что-то же оставалось изначальным. Последовательного перевода не происходило именно из-за изменения жанра, но изменение не доходило до логического конца, имела место именно контаминация, оставлявшая путь новым трансформациям.

Патографии пользуются популярностью и сейчас, поэтому переиздаются старые, а также пишутся новые, с соблюдением канонов этого, в целом, достаточно старого и в чем-то архаичного жанра (с введением новых методов диагностики в медицине патографиями пользоваться перестали, особенно в обыденной клинической практике). Привлекательность усиливается за счет красочного языка, присущего медицинскому дискурсу того времени и утраченному ныне [1]. В частности, стали переиздаваться и классические патографии, издававшиеся Г.В. Сегалиным. В целом же интересное явление беллетризации классических медицинских текстов требует отдельного рассмотрения,

выходящего за рамки статьи. Происходит «семантическая догрузка» жанра, когда на материале расширенной патографии создается полумедицинское, полубиографическое исследование, которое может быть интересно как специалисту, так и обычному представителю широкой публики, питающему интерес к биографиям. Создание, перевод и переиздание «биографий-патографий» отчетливо наблюдаются в России уже с 1990-х гг.

Можно отметить и довольно яркий феномен формирования «ломброзианской» и «евгенической» критики, наиболее яркие образцы которой были представлены М. Нордау. Нордау придавал язвительную и яркую форму типичной осевой конструкции критического текста такого рода: диагностирование признаков вырождения как у персонажей, так и у авторов, которые таких персонажей порождают. Случались и забавные эпизоды, вроде причисления к «вырожденцам» самого Золя только на том основании, что в его романах много «дегенеративных» типажей [7; 8]. В причинах сознательного их введения в сюжет и персонажную структуру Нордау, видимо, не разобрался, не распознав, таким образом, собственного союзника. Евгеническая критика демонстрирует порой как гиперкритицизм, так и клиничко-диагностическую доминанту – привнесения из дискурса бурно развивающейся медицины, совершенно расстающей с тем обликом, который она имела еще в веке XVIII.

Попытки художественного осмысления ломброзианства и евгеники формируют новые жанры художественной литературы. Ярким примером является евгенический роман Э. Золя, где вся семейная история (Ругон-Маккары) представлена как лонгитюдное наблюдение над семьей, пораженной дегенеративной патологией, которая проявляется в самых разнообразных формах (но как правило, описанных в научной литературе того времени), диктует поведение героев, становится причиной трагедий и аморальных поступков. Интересно, что Золя отмечает и такое свойство «дегенеративного» индивида, как склонность к творчеству нереалистического типа, а также описывает попытки создать стимулирующий препарат, позволяющий затормаживать явления старения (череда искателей таких препаратов – как в литературе, так и в жизни – заявила о себе при жизни писателя). В романе «Дамское счастье» предложен классический для теории дегенерации способ борьбы с вырождением – заключение брака с представителем здоровой семьи, у Золя, при его демократических симпатиях, носители здоровой конституции – не случайно представители социальных низов. Всерьез заинтересованный достижениями позитивных наук, Золя создал масштабную модель теории дегенерации, нечто вроде художественного полигона для её проверки. В более мягких формах этот жанрообразующий принцип использовался и позднее, в частности, в «Будденброках» Т. Манна, где само наблюдение над жизнью четырех поколений одной семьи слишком явно намекает на закон четырех поколений О. Мореля, согласно которому в большинстве вырождающихся семейств патологические явления нарастают в пределах жизни четырех поколений, где последнее оказывается замыкающим больно́й род.

Ярким примером контаминации является создание кинематографической версии новеллы Э. По «Падение дома Ашеров», которая в результате сохранила черты новеллы ужаса, но во многом превратилась не в таинственную, а вполне ясную и позитивистски объяснимую историю семьи, пораженной

вырождением. Википедия дает следующую характеристику: «...фильм ужасов, снятый режиссёром Роджером Корманом в 1960 году. Вольная интерпретация одноимённого рассказа Эдгара По» [9]. Можно оспорить как жанровую характеристику, так и указанную степень «вольности» интерпретации. Для антрополога или историка медицины (как и психологии) ужасов в том понимании, в каком о них можно говорить применительно к готической новелле, в фильме практически нет, зато он воспринимается как очень интересный пример переосмысления текста с учетом интеллектуальных (и не только) интересов и увлечений эпохи. С евгеникой среднему американцу уже пришлось познакомиться если не в теории, то на практике – в ряде штатов евгенические законы действовали (о чем с удовлетворением говорил один из теоретиков отечественной евгеники Т.И. Юдин); даже после их отмены об этой практике, довольно жесткой, несомненно, помнили еще долго. Кроме того, биографические сведения однозначно говорили о ряде специфических психологических черт самого Э. По, трудностях адаптации к социальной среде, «невротизме» (частый термин в ряде медицинских работ и учебников рубежа веков) и, наконец, о пристрастии к спиртному, что сторонники дегенеративной теории рассматривали и как проявление вырождения, и как одну из возможных его причин (хроническая интоксикация). Ассоциированность «психически изломанной» личности писателя с явным и необычным талантом не только полностью вписывалась в понятийно-когнитивные рамки дегенеративной теории, но явно предлагали искушение последовательно рассмотреть их именно так. Фильм в немалой мере деконструирует сложную символику изначального текста, выявляя более простые и однозначные причины рождения столь интересного сюжетного ряда, замаскированные сложными фигурами романтической семиотики. Ж.-П. Сартр мог бы написать что-то подобное в своей известной биографии Бодлера, если бы не был ангажирован другим интерпретационно-деконструирующим методом, более эффективным, но менее научным – психоанализом.

В новом тексте происходит экспликация явлений, объяснимых с точки зрения ломброзианства и евгеники. Родерик – типичный характер, порожденный дегенерацией (гиперэстезия, интровертность, склонность к необычному творчеству и нестандартному мировосприятию). ИмPLICITные ломброзианские мотивы, имеющиеся у Э. По, усилиями режиссера становятся не только выраженными, но и стержневыми, влияющими на необычную модификацию сюжета в фильме. Недуг наследственный, препятствует заключению брака, прослеживается на протяжении нескольких поколений кровных родственников, причем в рамках тех болезней, которые в период становления и интенсивного распространения теории дегенерации именовались «моральным помешательством». Вполне евгенический рассказ Ашера о гибели семьи сопровождается демонстрацией портретов родни, выполненных в манере, близкой позднему романтизму и экспрессионизму, представители которых не единожды навлекали на себя обвинения именно в «дегенеративных» тенденциях (что популяризировал Нордау).

Не совсем понятно и последовательно поведение Родерика. С одной стороны, понимая глубину дегенеративного поражения, он препятствует браку сестры, дабы пресечь не просто дальнейшее распространение патологии, но и ассоциированной с ней преступности и асоциальности (сущность его заявля-

ний о фатально плохой наследственности понятна даже человеку, далекому от медицины и антропологии). Но сами творцы теории дегенерации полагали, что положение может быть исправлено браком со здоровой семьей, что и происходит в романе «Дамское счастье». Но, во-первых, такой успех не всегда гарантирован, он только лишь дает надежду и может быть испробован без ожидаемых результатов, во-вторых, неясно, насколько Родерик, осуществляющий типичную евгеническую меру («отрицательная евгеника», препятствование нежелательному браку), был осведомлен о возможности таких браков и их неоднозначном исходе. Во всяком случае, даже некоторые евгенические законодательства, принятые на волне увлечения практической евгеникой, рассматривали с подозрением даже те возможные браки, где неблагополучной была только одна сторона. Необычайная сила сестры Родерика, явленная перед смертью, вполне соответствовала многочисленным медицинским описаниям того, как в моменты обострений больные становятся невероятно сильными физически.

В результате от изначальной готической новеллы неизменной осталась лишь сюжетная линия иррационального родства между Ашером и его домом и сверхъестественное финальное разрушение последнего. Впрочем, и необычным признакам дома отчасти дано новое объяснение – дом вобрал нечто вроде «энергии» морально помешанных (еще один эквивалент «дегенерации», распространенный в англоязычной медицине) членов семьи. Механизм этого не объясняется, но перед нами уже не загадочное и полиинтерпретативное явление, а относительно понятный случай, хотя бы частично объяснимый с точки зрения антропологии и патопсихологии Ломброзо-Мореля. Полного перевода в иную понятийную систему не произошло, хотя интерпретация изначального текста всё же значительно поменялась, что породило путем контаминации новые жанровые признаки, весьма интересные и семиотически, и чисто художественно, и с точки зрения существующего до сих пор неоломброзианства.

Возрождение интереса к ломброзианской теории, возможно и очередной виток неоломброзианства, скорее всего, найдет отображение и в современном искусстве.

Список литературы

1. Агеева З.М. Патография Сергея Есенина. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2015. 196 с.
2. Баринаева Е.Е. Проблема классификации в теории литературных жанров // Вестник Челябинского государственного университета 2012 №6 (260) Филология искусствоведение Вып. 64 С. 17–25.
3. Бранский В.П. Искусство и философия. Роль философии в формировании и восприятии художественного произведения на примере истории живописи. Калининград.: Янтарный сказ, 1999. 704 с.
4. Каган М.С. Морфология искусства. Историко-теоретическое исследование внутреннего строения мира искусств. Л.: Искусство, 1972. 440 с.
5. Лотман Ю.М. О роли случайных факторов в литературной эволюции // Ю.М. Лотман. История и типология русской культуры. СПб.: «Искусство-СПБ», 2002. С. 128–135.
6. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Ю.М. Лотман. Об искусстве. СПб.: «Искусство-СПБ», 2000. С. 14–287.

7. Нордау М. Вырождение // М. Нордау. Вырождение. Современные французы. М.: Республика, 1995. С. 21–330.
8. Нордау М. Современные французы // М. Нордау. Вырождение. Современные французы. М.: Республика, 1995. С. 331–384.
9. Падение Дома Ашероу [Электронный ресурс]. / Википедия URL:<https://ru.wikipedia.org/wiki/>(дата обращения 10.01.2020).

THE INFLUENCE OF ANTHROPOLOGICAL DISCOURSE ON THE SYSTEM OF ARTISTIC GENRES

Vladimir Yu. Lebedev

Tver State University, Tver

The article considers the process of cultural environmental influence on the genre-semiotic structure of secondary semiotic systems of art, primarily fiction. We chose the discourse of natural science anthropology and eugenics, which developed in the 19th century, for analysis. Under the influence of this discourse new genres in literature, literary criticism, and in a secondary way in cinema are formed. Features of anthropological discourse define the topics of artistic texts.

Keywords: *semiotics, text, genre, discourse, eugenics, anthropology.*

Об авторе:

ЛЕБЕДЕВ Владимир Юрьевич – доктор философских наук, профессор кафедры теологии Института педагогического образования и социальных технологий ФГБОУ ВПО Тверской государственной университет; e-mail:, semion.religare@yandex.ru